

II.

Цѣлый рядъ преступленій подѣ влияніемъ протрагирующаго эпилептическаго эквивалента.

П. И. Ковалевскаго.

10 сентября 1878 года въ психіатрическое отдѣленіе харьковской губернской земской больницы поступилъ инѣкто Н. К.; яступилъ онъ при отношеніи г. судебного слѣдователя для испытанія умственныхъ способностей. К. обвинялся въ совершеніи цѣлаго ряда гражданскихъ и уголовныхъ преступленій, — и теперь требовалось рѣшить: совершилъ ли онъ эти преступленія въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей, или же, при совершеніи преступленій, онъ находился въ болѣзненномъ состояніи?

Настоящее состояніе К. Инкультъ роста выше средняго, тѣлосложеніи умѣреннаго, очень малокровенъ; уродливостей и неправильности развитія не представляетъ. Голова округленной формы, волосы сѣдые. Лицо блѣдное, осмысленное; зрачки расширены, на свѣтъ реагируютъ удовлетворительно; слизистыя оболочки глазъ блѣдны, вдаль видитъ плохо, равнымъ образомъ плохо читаетъ и пишетъ безъ выпуклыхъ стеколъ. Наружный слуховой проходъ и острота слуха безъ особенностей. Органы вкуса, обонанія и осязанія тоже безъ особенностей. Языкъ об-

ложенъ бѣлымъ налетомъ. Удары сердца слабы, тоны глухи; пульсъ малый, слабый, 70 въ минуту. Въ легкихъ по-временамъ хрипы. Стѣнки живота ожирѣвшія; животъ вздутъ; печень увеличена въ объемѣ; по-временамъ отекъ ногъ. — Воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній и усвоеніе ихъ не представляютъ особенностей; способность запоминанія довольно правильна, — способность припоминанія, т. е. воспроизведенія прежде бывшихъ ощущеній, представленій и понятій, значительно притуплена, такъ, К. не помнитъ, въ которомъ году онъ женился, съ трудомъ восстанавливаетъ самые рельефные факты изъ своей жизни, какъ: выходъ въ отставку, занятія въ послѣднее время и пр. Составленіе представленій нѣсколько неясно, неточно и сбивчиво; количество представленій какъ-бы уменьшено и въ сужденіяхъ по-временамъ замѣчаются дефекты; ассоціація представленій правильна, за исключеніемъ количественной стороны; понятія, сужденія и заключенія рѣзкихъ аномалій не представляютъ. К. обнаруживаетъ какую-то неровность характера, то онъ раздражителенъ и придирчивъ ко всему и ко всѣмъ, то, напротивъ, и при-томъ въ большинствѣ, онъ представляетъ какую-то тупость, забитость и задавленность. Нравственный элементъ не представляетъ особенныхъ уклоненій, за исключеніемъ какого-то индифферентизма отношеній. Такъ, К., по-видимому, хорошій отецъ, мужъ и семьянинъ; но, находясь довольно долгое время то въ тюрьмѣ, то въ больницѣ, онъ мало воспоминалъ свое семейство, еще рѣже тосковалъ и скучалъ за нимъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ воспоминалъ тогда, когда его наводили на мысль объ этомъ и при-томъ безъ особенной горечи и сожалѣнія.

К. ѣхалъ къ своей матери не потому, чтобы онъ питалъ особенную любовь и привязанность къ ней, а такъ, — и самъ не знаетъ почему и какъ эта мысль пришла ему въ голову; хотя въ этомъ отношеніи не рѣдко въ К. можно подмѣтить лживость и обманъ: нѣкоторымъ лицамъ, особенно официальнымъ, онъ

старается выставить себя любящимъ сыномъ, нѣжнымъ супругомъ и чадолюбивымъ отцомъ. По выходѣ въ отставку, К. оставался безъ опредѣленныхъ занятій, — и это нисколько не стѣсняло его и не побуждало къ пріисканію той или другой должности, того или другого мѣста; напротивъ, онъ съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ проживалъ пенсію, заработокъ жены и иногда — вспомошествованія. Чувство гражданскаго долга и общественнаго дѣятеля не пробуждались въ К. Не менѣе индифферентнымъ онъ былъ и въ религіи: въ больницѣ онъ ходилъ въ церковь, но занимался не молитвою, а разсматриваніемъ постылици и сифилитическихъ дѣвокъ. К. жалуется на плохой аппетитъ, бессонницу, частыя головныя боли, давленіе подъ ложечкою, боль въ ногахъ и запоры; всѣ эти явленія особенно интенсивно бываютъ выражены весной и осенью.

Анамнестическія данныя. Въ семействѣ К. не замѣтно ни наслѣдственности, ни семейнаго расположенія ни къ психозамъ, ни къ неврозамъ. Отецъ К. по-временамъ сильно пилъ водку; самъ К. тоже не рѣдко пьянствовалъ. К. уроженецъ херсонской губерніи, дворянинъ, 53 лѣтъ, женатъ, православный, грамотенъ, поручикъ въ отставкѣ, въ настоящее время безъ опредѣленныхъ занятій. Одиннадцати лѣтъ отъ роду К. имѣлъ воспаленіе легкихъ. 30-ти лѣтъ, во время крымской войны, онъ получилъ ревматизмъ, которымъ, по-временамъ, страдаетъ и теперь. Припадки помѣшательства у К. уже далеко не первый разъ, напротивъ — они у него повторяются уже разъ шестой, а можетъ быть и болѣе. Первый приступъ помѣшательства онъ имѣлъ въ Херсонѣ, во время крымской кампаніи, — тогда онъ лежалъ даже въ больницѣ. Послѣ войны подобный же припадокъ былъ съ нимъ въ Воронежѣ и затѣмъ нѣсколько разъ въ Москвѣ. Въ какіе именно годы были эти припадки, въ какое время года, въ чемъ они состояли и какъ долго продолжались, — К. рѣшительно не помнитъ. Изъ свидѣтельства, выданнаго мо-

сковскою медицинскою конторою 28 ноября 1868 года, видно, что К. был свидѣтельствованъ въ московскомъ военномъ окружномъ судѣ и признанъ страдающимъ періодическимъ умопомѣшательствомъ. Жена К. показала, что ея мужъ, въ послѣднія 12 лѣтъ, каждый годъ, весной или въ началѣ лѣта, обнаруживаетъ какое-то буйство. Онъ дѣлается очень раздражительнымъ, скрывается изъ-дому по нѣскольکو дней и возвращается домой, чтобы захватить денегъ или одежды. Гдѣ онъ бывалъ въ это время, К. самъ въ-послѣдствіи не помнилъ. Такъ проходитъ мѣсяцъ или два, — въ это время онъ самъ не свой. Отъ этой болѣзни К. не лѣчился, такъ-какъ не сознавалъ своей болѣзни, не смотря на то, что, по признанію его въ военномъ окружномъ судѣ страдающимъ періодическимъ помѣшательствомъ, онъ находился на порукахъ у своей жены.

Поводомъ къ настоящему испытанію умственныхъ способностей К. послужилъ цѣлый рядъ гражданскихъ и уголовныхъ преступленій, совершенныхъ имъ на пути отъ Москвы и до Валокъ, харьковской губерніи.

22 мая 1878 года К. выѣхалъ изъ Москвы по желѣзной дорогѣ въ Николаевъ, для свиданія съ своею матерью. На станціи Климовскѣ, 5-й полустанокъ отъ Москвы по московско-курской дорогѣ, К. входитъ въ вагонъ III-го класса и громко произноситъ: «я поручикъ К., дайте мнѣ мѣсто». Такъ-какъ всѣ мѣста были заняты, то ему одинъ изъ пассажировъ и отвѣтилъ: «тутъ рѣшительно всѣ мѣста заняты».

На это К. началъ ругаться самыми неприличными словами, не смотря на то, что въ вагонѣ сидѣли женщины. Тогда одинъ священникъ сказалъ: «Если вы называете себя поручикомъ, то и должны держать себя, какъ поручикъ, т. е. прилично». Въ отвѣтъ на это К. началъ браниться самыми неприличными словами, прибавляя, что ему и Филаретъ (митрополитъ) былъ извѣстенъ и его знаетъ митрополитъ московскій Иннокентій.

Послѣ того К. началъ придирается ко всѣмъ пассажирамъ, бранилъ ихъ матерными словами, а одного даже ударилъ зонтикомъ; почему пассажиры просили кондуктора вывести К. изъ вагона.

К. бранилъ и кондуктора и грозилъ ему, что тотъ лишится мѣста. Когда пріѣхали на станцію Молоди, то, по просьбѣ пассажировъ, К. выведенъ былъ изъ вагона и тамъ составленъ былъ актъ.

При составленіи акта, К. бранилъ начальника станціи, его помощника и жандармскаго унтеръ-офицера, при-чемъ неоднократно даже намѣревался ударить унтеръ-офицера, при исполненіи послѣднимъ своихъ обязанностей, то палкою, то кулакомъ. При этомъ не было замѣчено, чтобы К. былъ очень пьянъ.

Со станціи Молоди, К. отправленъ былъ, по составленіи акта, въ молодинское волостное правленіе. Пробывши тамъ ночь, К. опять возвратился на станцію. Опять началась новая брань: досталось начальнику станціи, его помощнику, телеграфистамъ, жандарму и пр. По этому К., съ новымъ актомъ, отправленъ былъ не въ молодинское волостное правленіе, а въ подольское полицейское управленіе, вмѣстѣ съ провожатыми.

Прибывши въ подольское полицейское управленіе, К. какимъ-то способомъ выманулъ у своего провожатаго бумагу, при которой онъ былъ присланъ для задержанія, и вмѣстѣ съ этою бумагою скрылся изъ полицейскаго управленія и даже Подольска, безъ-вѣсти.

Слѣды К. отыскиваются уже на харьковско-николаевской желѣзной дорогѣ, гдѣ онъ фигурируетъ на станціи Ковега, 5-я станція отъ Харькова, 26 мая.

Въ Ковегахъ К. выведенъ былъ изъ вагона и оставленъ отъ поѣзда за буйство и различнаго рода неприличныя выраженія и дѣйствія по отношенію къ ѣхавшимъ пассажирамъ. Здѣсь К. называлъ себя поручикомъ Николаемъ Григорьевичемъ Чижев-

скимъ, служащимъ чиновникомъ ос. быхъ порученій у шефа жандармовъ и вѣдущимъ теперь по его порученію.

Въ Ковегахъ К. держалъ себя точно такъ-же, какъ въ Мологи: брань, придирки ко всѣмъ и стремленіе къ дракѣ. Чрезъ нѣсколько часовъ онъ сдѣлалъ письменное заявленіе о неправильномъ задержаніи его, при чемъ назвалъ себя не Чижевскимъ, а Петерсономъ, опять-таки чиновникомъ особыхъ порученій шефа жандармовъ.

На станцію Ковеги К. прибылъ въ четыре часа утра. Нѣсколько заснувши, К., вмѣстѣ съ телеграфистомъ станціи, отправился въ трактирное заведеніе. Тамъ они выпили водки. Здѣсь К. точно такъ-же началъ приставать къ посѣтителямъ заведенія, придираться къ нимъ и говорить имъ дерзости, почему телеграфистъ оставилъ его одного, а самъ ушелъ спать.

Такъ-какъ въ трактирномъ заведеніи не было отдѣльнаго свободнаго помѣщенія, то К. съ телеграфистомъ сидѣли въ комнатѣ квартиранта. По уходѣ телеграфиста, К. потребовалъ себѣ самоваръ и напился чаю, послѣ чего ушелъ изъ трактирнаго заведенія; но, уходя, онъ захватилъ съ собою пальто того квартиранта, въ комнатѣ котораго они находились.

Изъ трактира К. опять пошелъ къ телеграфисту, довольно грубо разбудилъ его и звалъ опять въ трактиръ. Телеграфистъ отказался и такъ-какъ К. держалъ себя крайне грубо и дерзко, то вынужденъ былъ вывести его. Тогда К., обошедши его квартиру, бросилъ большой камень въ окно телеграфиста, разбилъ его и ушибъ самого телеграфиста. Во время ссоры съ телеграфистомъ, К. оборвалъ ему погоны на мундирѣ и разорвалъ самый мундиръ.

Во время схватки К. съ телеграфистомъ, на мѣсто побойши пришелъ хозяинъ похищеннаго пальто. Какъ хозяинъ пальто, такъ и телеграфистъ замѣтили, что изъ-подъ полы К. виситъ какое-то платье, которое и оказалось похищеннымъ пальто. По-

этому К. отведенъ былъ на станцію для составленія протокола. К. не отрицалъ факта похищенія, но при этомъ добавилъ, что научилъ его тому телеграфистъ.

При составленіи протокола К. бранился самыми неприличными словами. Онъ бранилъ начальника станціи, его помощника, телеграфиста, жандарма и всѣхъ присутствующихъ; не однократно порывался къ дракѣ и здѣсь же оборвалъ на телеграфистѣ и другой погонѣ. При этомъ К. похвалялся зарѣзать начальника станціи и телеграфиста, а самую станцію сжечь. По составленіи протокола К. отправленъ былъ въ валковское полицейское управленіе.

По уходѣ К. оказались пропажи у служащихъ на станціи: именно — украдены были калоши и ситцевая рубаша, каковыя вещи оказались заложенными въ лавочкѣ арестованнымъ пассажиромъ К.

29 мая К., находясь въ арестантскомъ отдѣленіи, подалъ слѣдующее заявленіе судебному слѣдователю:

23 мая сего года я выѣхалъ съ пассажирскимъ поѣздомъ № 4735 до Курска, а изъ Курска до Харькова, а изъ Харькова до Кременчуга, гдѣ и былъ мой багажъ сданъ на каждой означенной станціи. Съ Харькова сѣли со мною (въ) вагонъ нѣсколько подозрительныхъ личностей, я ихъ хорошо знаю, потому что служу въ Московской полиціи и у шефа жандармовъ и занимаю(сь) по сыскной части. Не доѣзжая станціи Ковяги, одна изъ дамъ вломила(сь) въ амбицію и просила оберъ-кондуктора перевести въ другой вагонъ. На что я отвѣчалъ, что я изъ Харькова сѣлъ и не хочу переходить въ другой вагонъ. Оберъ-кондукторъ сказалъ, что онъ меня попроситъ выйти къ смотрителю станціи и я былъ оставленъ жандармскимъ унтер-офицеромъ на означенной станціи. Багажъ не знаю изъ Харькова мной сданъ до Кременчуга и квитанцію представилъ начальнику станціи. Я просилъ, чтобы телеграфировать на счетъ вещей моихъ,

то онъ мнѣ сказалъ, — что это мое дѣло, а вы можете на 4 стороны удалиться; я ему сказалъ, что у меня при себѣ денегъ и я не пойду. Бывшій въ то время дежурный телеграфистъ Н. П. приглашалъ меня подождать его смѣны, и на другой день говорилъ, что и онъ ѣдетъ недалеко; я по совѣту остался, и ночевалъ. И когда онъ смѣнился, пошелъ въ его квартиру, гдѣ какъ у него, такъ и у меня не было денегъ, — хотѣлось ѣсть и выпить утренней влаги; я снялъ жилетъ, стоющій 3 р. (и) заложилъ буфетчику, какъ я вамъ сказалъ въ своемъ показаніи и просилъ васъ, чтобы вы не дѣла(ли) тревоги, не посла(ли) въ Москву; но вы не сдержали, какъ вы нынче сказали. Но я долженъ вамъ доложить, что нахожусь на порукахъ жены, отданнымъ судебнымъ слѣдователемъ военнаго окружнаго суда майоромъ Боршнывымъ, какъ болѣзненный и сумашедшій; признанъ Московскимъ окружнымъ судомъ, свидѣтельствовавъ въ Московской врачебной управѣ. Когда вещи прійдутъ, то бумаги какія, а если вы говорите, что нужно 300 р., то у меня есть въ багажѣ въ моемъ указѣ, или можно написать женѣ, чтобы она выслала послѣ 1-го іюня пенсіону и книжку, по которой я получаю 320 р. Но я не ожидалъ, что меня такъ жестоко обидятъ, лишонъ свободы, какъ больной человекъ, лежу въ больницѣ и хожу съ двумя конв(ой)ными солдатами и со штыками. Что я такой за преступникъ и сдѣлалъ уголовного дѣла! Излагаю все вышеописанное и прошу Ваше Высокоблагородіе войти (въ) мое положеніе и заключеніе». Н. Г. К. При этомъ онъ называлъ себя Козачковымъ, а не Чижевскимъ, или Петерсономъ.

При допросѣ судебнымъ слѣдователемъ о происшествіи въ Ковыгахъ, К. показалъ, что во всемъ вводимомъ на него онъ виновнымъ себя не признаетъ. Обстоятельства драки съ телеграфистомъ К. объясняетъ такъ: «я зашелъ къ телеграфисту и засталъ его лежащимъ въ постели съ женою сторожа, и когда началъ его укорять въ развратномъ поведеніи, то она вскочила съ

постели и ударила меня въ ухо, за что я ее въ свою очередь ударилъ, послѣ чего на меня набросился телеграфистъ и началъ наносить мнѣ побои, на которые въ отвѣтъ я порвалъ на немъ мундиръ и сорвалъ погоны». При этомъ К. добавлялъ, что когда привели его въ расправу, то тамъ его обыскивалъ старшина и между прочими вещами нашелъ портмоне съ 15 к., которыя ему тотъ-часъ и возвратилъ.

30 мая К. подалъ заявленіе на имя г. прокурора харьковскаго окружного суда объ освобожденіи его изъ-подъ караула и обязательствъ подпискою никуда не выѣзжать. 21 іюня К. дѣлаетъ новое заявленіе на имя судебного слѣдователя, прося: во 1-хъ, розыскать вещи, которыя были съ нимъ въ поѣздѣ; во 2-хъ, отобрать очки у телеграфиста, которыя стоятъ 3 руб., и отобрать жилетъ, стоящій 3 руб. и заложенный у буфетчика за 1 р., — вмѣстѣ съ тѣмъ добавляетъ, что его совершенно неправильно арестовали, такъ-какъ въ поѣздѣ онъ держалъ себя весьма прилично.

Іюля, безъ числа, К. дѣлаетъ вновь заявленіе, въ которомъ во многомъ укоряетъ судебного слѣдователя и, дабы не подвергать его, слѣдователя, отвѣтственности, требуетъ отъ него исполненія слѣдующихъ условій: въ 1-хъ, выдать копію протокола судебного слѣдователя г. Кременчука о вскрытіи сундука К., такъ-какъ онъ слышалъ, что многія изъ его вещей пропали; во 2-хъ, отобрать у старшаго унтеръ-офицера станціи Ковега портмоне съ 15 руб. 48 коп. денегъ, которыя взяты имъ были у К. при арестованіи; въ 3-хъ, взыскать съ начальника станціи 30 руб. за пропавшія въ поѣздѣ вещи К., и, въ 4-хъ, дать ему, К., свободу и отдать его только подъ надзоръ полиціи.

28 іюля новое заявленіе, въ которомъ жалуется на то, что его содержатъ въ больницѣ какъ сумасшедшаго, жалуется на запрещеніе ему курить; требуетъ взысканія съ начальника станціи 30 руб., а съ жандарма 15 руб. 48 коп.; требуетъ копію

съ протокола судебного слѣдователя г. Кременчуга и наконецъ требуетъ взысканія съ попечителя острога 7 р. за пропажу брюки.

Слѣдующее заявленіе, безъ числа и мѣсяца, въ которомъ К. сообщаетъ, что получилъ копію протокола судебного слѣдователя г. Кременчуга со спискомъ своихъ вещей; проситъ прислать его собственный списокъ, который онъ имѣлъ, когда уѣзжалъ изъ Москвы, для памяти, и заявляетъ о пропажѣ изъ чемодана 315 р., которые онъ везъ матери.

Еще заявленіе о пропажѣ его, К., вещей въ вагонѣ и объ отобрании заложенного жилета у артельщика, а не у буфетчика и очковъ у телеграфиста.

Въ заключеніе его переписки перехвачено было письмо къ женѣ, въ которомъ научаетъ ее сдѣлать показаніе судебному слѣдователю на допросѣ, что онъ, К., везъ съ собою 315 р. въ чемоданѣ, при чемъ 300 р. были сторублевыми, а 15 руб. пятирублевыми билетами. Далѣе, онъ посылаетъ ей списокъ вещей, какія она должна показать на допросѣ, суммою на 1500 руб., при чемъ обѣщаетъ ей выслать послѣ того рублей 500, чтобы она могла купить себѣ всего, что ей нужно.

Наконецъ уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ К. пишетъ еще одно заявленіе на имя прокурора окружного суда А. А. Башкирова, въ которомъ К. извѣщаетъ его, что онъ совершенно здоровъ и проситъ ускорить его дѣло. Это заявленіе было писано уже въ земской больницѣ, гдѣ онъ находился тогда на испытаніи.

Находясь въ арестантскомъ отдѣленіи при валковскомъ полицейскомъ управленіи вмѣстѣ съ другими арестантами, К., въ ночь съ 31 мая на 1 іюня, предложилъ имъ бѣжать изъ арестантской и для этого избралъ способъ — поджечь арестантскую. Для исполненія своего плана, К. намоталъ на палочку тряпку, зажегъ ее, разбилъ окно и бросилъ горящую тряпку по соломенной крышу (стриху) зданія; но она не попала по

значенію, а упала на шинель спавшаго подъ окномъ полицейскаго солдата, которую и прожгла. Вслѣдствіе этого К. былъ переведенъ изъ арестантскаго отдѣленія въ тюремный замокъ.

Находясь въ тюремной больницѣ, К. похвалялся подпалить больничные матрацы и произвести пожаръ, чтобы дать возможность въ суматохѣ уйти арестантамъ, а доктора и другихъ — побить. При утренней визитаціи доктора, К. однако ограничился тѣмъ, что, обвязавъ себѣ голову и глаза утиральникомъ, сталъ предъ докторомъ на-колѣни и обзывать его «ваше высокоблагородіе». Находя у К. только лицо красное и глаза налитые кровью, докторъ выписалъ его, какъ здороваго, причиняющаго безпокойство больнымъ своимъ буйнымъ характеромъ.

Въ тюремномъ замкѣ, К., 28 іюля, чрезъ окно зданія верхняго этажа бранилъ воинскаго начальника въ то время, когда послѣдній занимался обученіемъ солдатъ. Безъ всякаго рѣшительно повода со стороны послѣдняго, К. началъ его бранить матерными словами, рыжей собакой и общался, по выходѣ изъ тюрьмы, выпустить ему кишки, такъ-какъ ему все равно идти въ Сибирь.

Съ первыхъ же дней поступленія въ тюремный замокъ, у К. замѣчены были окружающими странности, указывающія на ненормальное состояніе умственныхъ способностей К. Странности эти выражались въ постоянныхъ ссорахъ съ арестантами, безъ всякаго повода со стороны послѣднихъ, — дерзостяхъ, наносимыхъ должностнымъ лицамъ при ихъ появленіи въ тюрьму, въ отсутствіи сна почти въ теченіи цѣлыхъ сутокъ. К. ложился спать часовъ въ 9-ть или 10-ть и спалъ не болѣе одного часа, за-тѣмъ вставалъ и начиналъ кричать, подражая разнымъ животнымъ: то запоетъ пѣтухомъ, закричитъ перепеломъ, закукуетъ кукушкой, то заржетъ по-лошадиному и залаетъ по-собачьи, — продолжая это до самаго разсвѣта, не обращая вниманія ни на просьбы, ни на требованія окружающихъ. Поэтому аре-

станты просили смотрителя избавить ихъ отъ такого сожителя.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ, судебный слѣдователь нашелъ возможнымъ и необходимымъ прислать К. въ психіатрическое отдѣленіе харьковской губернской земской больницы для испытанія его умственныхъ способностей, — куда онъ и поступилъ 10 сентября 1878 года.

Въ палатѣ испытуемыхъ К. пробылъ 2 мѣсяца. Въ теченіи всего этого времени К. не обнаружилъ никакихъ ни психическихъ, ни физическихъ заболѣваній и выписанъ былъ, какъ здоровый въ данный моментъ. —

Принимая во вниманіе болѣзневую наслѣдственность, пьянство самого К., неоднократные кратковременные приступы болѣзни, внезапное начало и окончаніе болѣзни, отсутствіе воспоминанія у К. о предыдущихъ приступахъ и также картину самыхъ приступовъ, — можно прійти къ заключенію, что у К. во время совершенія преступленій былъ приступъ хроническаго эпилептическаго помѣшательства.

Мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ этой формѣ болѣзни.

Этотъ психо-неврозъ до такой степени варьируетъ въ различныхъ случаяхъ, что нерѣдко можно указать при этомъ въ радикально противоположные симптомы.

Самое строгое опредѣленіе эпилепсін будетъ: это есть болѣзнь, характеризующаяся *нетипическими приступами конвульсій, сопровождающимися потерей сознанія и чувствительности*. Такимъ образомъ болѣзнь одновременно касается всѣхъ трехъ сферъ душевной дѣятельности: мыслительной, чувствительной и двигательной, при-чемъ первыя двѣ, чувствительная и мыслительная сферы, обнаруживаютъ чисто негативное участіе, — онѣ выводятся изъ круга душевной дѣятельности, не реагируютъ на раздраженіе. Мускульная сфера, напротивъ, обнаруживаетъ ак-

тивное участіе рядомъ тоническихъ и клоническихъ судорогъ всего организма.

Къ комплексу вышеуказанныхъ явленій въ полныхъ приступахъ эпилепсіи присоединяются явленія со стороны автоматической системы, какъ — блѣдность лица, расширеніе зрачковъ, ускоренный пульсъ и пр. Явленія эти на-столько постоянны, что нѣкоторые авторы, хотя не вполне основательно, считаютъ ихъ даже патогномическими. Сплошь и рядомъ къ этимъ явленіямъ присоединяются, какъ продромы, уклоненія со стороны чувствительной сферы, какъ — иллюзіи и галлюцинаціи.

Представивъ себѣ такой шаблонъ для классическихъ случаевъ эпилепсіи, мы должны сказать, что отъ этого шаблона наблюдаются самыя разнообразнѣйшія уклоненія. Разнообразіе это можетъ касаться всѣхъ сферъ душевной дѣятельности.

I. Начнемъ съ двигательной сферы, такъ-какъ въ ней — самыя рѣзкія явленія въ классическихъ случаяхъ припадковъ. При сохраненіи прежнихъ условій со стороны мыслительной и чувствительной сферы, т. е. при полномъ отсутствіи сознанія и нечувствительности, судороги могутъ являться самой разнообразной интенсивности и количества. Такъ, напр., въ самыхъ рельефныхъ случаяхъ судороги обхватываютъ всѣ мускулы произвольнаго движенія въ организмѣ въ равной мѣрѣ. Въ другихъ случаяхъ онѣ также касаются всѣхъ мускуловъ организма, только на одной сторонѣ судороги сильнѣе, а на другой слабѣе. Еще въ иныхъ случаяхъ судороги касаются одной только стороны тѣла, вовсе не затрагивая другой. Бываютъ болѣе легкіе случаи, когда судороги являются только лишь въ той или другой конечности и въ лицѣ, или же легкія подергиванія одного только лица, причемъ всѣ остальные мускулы организма остаются совершенно покойными.

Всѣ вышеприведенные случаи эпилептическихъ судорогъ съ полною потерей сознанія и чувствительности носятъ названіе

«полная эпилепсія». Въ противоположность тому существуютъ случаи заболѣванія, которые носятъ названіе *неполной эпилепсiи*. Отличительный признакъ этихъ случаевъ будетъ присутствіе сознанія и акція чувствительности въ моментъ самаго припадка. Въ то время, когда больного всего исковеркиваетъ конвульсіями, онъ слышитъ, что вокругъ него говорятъ, и оставляетъ въ сознаніи то, что вокругъ него въ этотъ моментъ дѣлается, — хотя въ большинствѣ это сознаніе бываетъ неясно, неточно, сбивчиво.

Всѣ разновидности этой категоріи заболѣваній носятъ названіе *épilepsie grand-mal* или *haut-mal*.

II. Какъ-бы въ противоположность этой категоріи заболѣваній существуетъ другая, которая носитъ названіе *épilepsie petit-mal* (*absence, vertigo epileptica* и проч.). Эта категорія заболѣваній эпилептическихъ представляетъ варіаціи, какъ-бы еще не большія, чѣмъ предыдущая. Самый простой случай эпилепсiи *petit-mal*, это — моментальная потеря сознанія у даннаго субъекта на нѣсколько секундъ. Индивидъ говоритъ съ вами, дѣлаетъ что-нибудь, — вдругъ онъ прерываетъ на 2—5 секундъ разговоръ и затѣмъ опять продолжаетъ прерванное. Упомянутыя 2—5 секундъ рѣшительно не существуютъ для него, онъ ихъ не помнитъ, — въ сознаніи эпилептика этотъ интервалъ отсутствуетъ, и перерыва между концомъ его рѣчи и началомъ вновь какъ-бы не было. Это будетъ въ полномъ смыслѣ слова *absence*, отсутствіе сознанія, какъ въ самый моментъ пораженія, такъ и сознанія того, что съ даннымъ субъектомъ было что-то.

Мнѣ неоднократно приходилось наблюдать подобные случаи *absence* у одного очень интеллигентнаго эпилептика. Интереснѣе всего то, что *absence* начинается всегда въ моментъ разговора. Предъ моментомъ наступленія *absence* больной нѣсколько мгновеній учашалъ рѣчь, какъ-бы спѣша докончить ее. Но затѣмъ моментально лицо блѣднѣло, глаза выпячивались и становились

неподвижными, зрачки расширялись и не реагировали, — наступала полная потеря реакціи во всемъ организмѣ, лицо выпячивалось, пульсъ становился малымъ и учащеннымъ, и затѣмъ, спустя 4 — 6 секундъ, субъектъ оканчивалъ начатую фразу, какъ-бы въ этотъ моментъ у него была отрыжка. Никакого сознанія, никакого подозрѣнія, что съ нимъ сію секунду было что-то, никогда у этого эпилептика не бывало. Если онъ говорилъ что-либо веселое и хохоталъ, то онъ точно такъ-же продолжалъ этотъ хохотъ, какъ-бы для него не существовало никакого интервала. Двигательная и чувствительная сферы душевной дѣятельности не обнаруживаютъ въ моментъ *absence* никакой активности.

Организмъ остается только при однихъ автоматическихъ отвлеченіяхъ, имѣетъ подобіе организма растительнаго царства, лишаясь всѣхъ симптомовъ животной дѣятельности, или уже — душевной дѣятельности.

Этотъ видъ эпилепсіи прекрасно разработанъ французскими авторами, особенно же J. Falret и Trousseau.

Варианціи этого вида эпилепсіи крайне разнообразны. Бываютъ случаи, когда у больного начинается головокруженіе. Вокругъ него всѣ предметы вертятся и самъ больной какъ-то начинаетъ закруживаться и приходитъ, наконецъ, въ минутное безсознательное состояніе. Послѣ припадка, больной ничего не помнитъ о случившемся; но нерѣдко чувствуетъ себя разбитымъ, изнуреннымъ и изможденнымъ. Бываютъ случаи полного забвенія о самомъ приступѣ безпамятства; хотя въ самый моментъ этого *absence*, въ самый моментъ этого приступа, субъектъ не только не остается пассивнымъ, а напротивъ — совершаетъ нерѣдко самыя сложныя манипуляціи и поступки. Въ высокой степени интересные и поучительные примѣры этого рода приводитъ проф. Труссо¹. У одного молодого музыканта на виолинѣ

¹ Труссо, Клиническія лекціи. Вып. 1-й. 1867. стр. 66.

нерѣдко являлись приступы эпилептического головокруженія. «Странно сказать, пациентъ продолжаетъ играть во время припадка, и хотя совершенно не сознаетъ окружающаго, не слышитъ и не видитъ тѣхъ, кому онъ acompанируетъ, но продолжаетъ играть въ тактъ».

Тотъ-же авторъ передаетъ другой случай: архитекторъ, живущій въ Парижѣ и долго страдающій эпилецією, не боится всходить на самыя высокія строящіяся зданія, хотя ему извѣстно, что у него являлись часто припадки, когда онъ проходилъ по узкимъ доскамъ на значительной высотѣ; съ нимъ никогда не случалось непріятнаго происшествія, хотя во время припадка онъ быстро бѣжитъ по перекладинамъ, произнося своимъ громкимъ, отрывистымъ голосомъ. Спустя четверть минуты онъ снова принимается за занятія и даетъ приказанія работникамъ; но онъ не знаетъ о странномъ своемъ поступкѣ, если не сказать ему о немъ.

Еще одинъ крайне интересный случай передаетъ проф. Трусо объ одномъ президентѣ трибунала. Однажды, во время засѣданія въ судѣ, онъ встаетъ съ своего мѣста, шепчетъ нѣсколько несвязныхъ словъ, отправляется въ залу и возвращается нѣсколько минутъ спустя, не сознавая того, что сдѣлалъ. На вопросъ товарищей, гдѣ онъ былъ, онъ не припомнилъ, что вставалъ съ мѣста. Вскорѣ послѣ этого, когда онъ уходилъ въ первый разъ, швейцару приказали слѣдить за нимъ. Швейцаръ увидалъ, что онъ вошелъ въ залу и вымочился въ уголъ, послѣ чего возвратился на свое мѣсто, вовсе не зная ничего о своемъ поступкѣ.

Такимъ образомъ оказывается, что въ тотъ моментъ absence, безпамятства, когда одни больные находятся въ состояніи полной недѣятельности, — другіе, напротивъ, совершаютъ самыя сложныя, цѣлесообразныя и разумныя дѣйствія и поступки. При этомъ, какъ въ моментъ этого приступа они рѣшительно не разсуждаютъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали, и

ничего этого не помнить; такъ точно, послѣ приступа, эпилептики рѣшительно ничего не помнить о томъ, что они совершали въ моментъ приступа. Въ общей массѣ душевной дѣятельности въ этотъ моментъ вводится совершенно новая величина, которая стоитъ себѣ изолированно, совершенно особнякомъ, не имѣя никакой связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ.

Это явленіе представляется такъ, какъ-бы изъ общей суммы душевной дѣятельности вынималась частица ея и замѣнялась другою, хотя и весьма похожую, эквивалентною, но неоднородною, почему она и остается безъ всякой связи съ другими, совершенно особнякомъ.

Замѣчательное явленіе: бывають случаи, особенно когда подобные приступы повторяются часто, что больные во время приступа *petit-mal*, забывая совершенно все то, что было до и послѣ приступа, забывая всю свою жизнь и обстановку, — ясно помнить все предыдущіе приступы, припоминають, что они говорили, дѣлали, проектировали, ораторствовали и пр. Эти субъекты являются живущими какъ-бы двойною жизнью: одна — при обыкновенныхъ условіяхъ и другая — во время приступа; причемъ во время первой они ничего не помнить о второй, а во время второй ничего не помнить о первой.

Мнѣ приходилось наблюдать одинъ подобный случай въ Харьковѣ. Это былъ мальчикъ, сынъ доктора. На него нерѣдко находили припадки, по всемъ деталямъ, эпилептического буйства. Въ это время онъ считалъ себя героемъ, полководцемъ, императоромъ, ораторомъ и проч. Все, что онъ говорилъ и дѣлалъ въ предыдущій припадокъ, онъ ясно и рельефно вспоминалъ и продолжалъ дѣлать съ того, на чемъ остановился. Проходитъ 2—3 часа; больной приходитъ въ нормальное состояніе и ни слѣда понятія о томъ, что съ нимъ было. Равнымъ образомъ въ періодъ жизни приступовъ онъ ничего не сознаетъ и не помнить изъ нормальной жизни.

Таковы болѣе частые случаи простой некомбинированной эпилепсін. Уже это короткое изложеніе указываетъ до какой степени могутъ варіироваться и разнообразиться основныя формы эпилепсін. Варіаціи эти могутъ доходить до совершенной противоположности явленій относительно первообраза или основной формы.

Можно спросить: на какомъ же основаніи эти самыя разнообразныя проявленія относятся къ одной категоріи? Не принимая во вниманіе этиологическихъ условій, способа проявленія и обстоятельствъ, при которыхъ эти припадки обнаруживаются, — уже одна совмѣстность этихъ припадковъ въ одномъ и томъ-же случаѣ и перѣдкая замѣна одного припадка другимъ заставляютъ всѣ эти разнообразныя проявленія болѣзни относить къ одной категоріи.

Это будутъ случаи простой эпилепсін (*epilepsia simplex*).

Но есть еще случаи комбинированной эпилепсін, гдѣ явленія простой эпилепсін осложняются явленіями и приступами эпилептического помѣшательства или приступами психическихъ экстазовъ. Уже послѣдняя, разсмотрѣнная нами, разновидность эпилепсін *petit mal* служить какъ-бы соединительнымъ звеномъ случаевъ простой эпилепсін съ случаями эпилепсін комбинированной.

Случаи комбинированной эпилепсін носятъ еще названіе эпилептического помѣшательства, скрытой эпилепсін (*epilepsia latens*), эпилептической маніи, психической эпилепсін и проч.

Разработкѣ ученія о психической эпилепсін мы обязаны прежде всего французскимъ психіатрамъ. Въ послѣднее время этотъ вопросъ становится на болѣе прочную почву при содѣйствіи особенно германскихъ и русскихъ психіатровъ. Можно надѣяться, что дружная и усердная работа доведетъ этотъ вопросъ до полной ясности и законченности, въ настоящее же время онъ въ младенческомъ состояніи.

Прежде всего является вопросъ: есть ли въ психической эпилепсін или эпилептическомъ помѣшательствѣ что-либо столь ха-

ракетное и специфическое, чтобы эту форму помѣшательства, связанную съ припадками простой эпилепсiи, можно было считать какъ отдѣльный, самостоятельный видъ психоза?

Простая эпилепсiя находится въ тѣсномъ отношенiи къ душевнымъ разстройствамъ: во 1-хъ, рядомъ съ приступами эпилептическихъ судорогъ можетъ существовать меланхолія, маниака и проч. безъ всякаго отношенiя и связи этихъ болѣзней между собою, все равно какъ эпилептикъ можетъ страдать лихорадкою, сифилисомъ, совершать преступленіе и проч. При этомъ, разумѣется, будетъ фактъ осложненiя эпилепсiи психозомъ; но это вовсе не будутъ случаи комбинированной эпилепсiи, гдѣ аномалiи психическія находятся въ связи съ неврозомъ. Это будутъ случаи комплицированной эпилепсiи, гдѣ эпилептический неврозъ комплицируется тѣмъ или другимъ психозомъ совершенно независимо одинъ отъ другого.

2. Второе отношеніе эпилептического невроза къ психозамъ — когда, при продолжительной и интензивной эпилепсiи, эпилептикъ сплосъ и рядомъ подъ конецъ своей жизни переходитъ въ слабоуміе. Въ этомъ случаѣ эпилепсiя служитъ прямымъ и непосредственнымъ этиологическимъ моментомъ для наступленiя слабоумiя.

3. Наконецъ, третье отношеніе эпилептического невроза къ психозамъ — когда психозъ есть непосредственное продолженіе невроза или замѣна одного другимъ. Въ послѣднемъ случаѣ между психозомъ и неврозомъ можетъ существовать генетическая связь, и въ этихъ-то случаяхъ помѣшательство въ-правѣ быть названнымъ психическою эпилепсiею.

Что касается первой категорiи отношенiй эпилептического невроза къ психозамъ, то она имѣетъ только лишь чисто медицинское значеніе о вліянiи невроза на теченіе психоза, или же, на-оборотъ, психоза на теченіе невроза, а потому въ данномъ случаѣ мы этихъ отношенiй не будемъ касаться.

Гораздо больший интерес представляет для нас влияние эпилепсии на характер и умственную деятельность человека вообще, в промежутки между припадками. Не подлежит сомнению тот факт, что эпилепсия в концѣ концов приводит эпилептиковъ къ слабоумію. Слабоуміе не начинается сразу, безъ предуготовительнаго періода; такъ: сегодня субъектъ умный, а завтра проснулся — слабоумный; а этому наступленію слабоумія долженъ предшествовать долгій-долгій рядъ различныхъ измѣненій въ умственныхъ и нравственныхъ способностяхъ индивида, пока наконецъ мы въ состояніи констатировать фактъ наступленія слабоумія.

Весьма важно и интересно прослѣдить этотъ процессъ перехода человека въ слабоуміе подъ влияніемъ эпилептического психоневроза, какъ съ точки зрѣнія чисто клинической, такъ и особенно съ судебно-психіатрической.

Нѣтъ ничего затруднительнаго, какъ давать заключеніе о состояніи умственныхъ способностей человека въ тотъ моментъ, когда онъ находится на рубежѣ между здоровымъ и болѣзненнымъ состояніемъ. Несомнѣнно, что эпилепсія производитъ въ характеръ и интеллектъ человека какія-то измѣненія, которыя шагъ за шагомъ ведутъ его въ слабоуміе. Нѣтъ сомнѣнія, что человекъ, во время этого путешествія къ слабоумію, по своей правоспособности и криминальной отвѣтственности не можетъ становиться въ уровень съ людьми нервно и психически здоровыми, а между тѣмъ доказать психическую болѣзненность во-очію, доказать фактически въ большинствѣ случаевъ бываетъ невозможно или въ высшей степени затруднительно.

Мы не можемъ останавливаться долго на разсмотрѣніи судебно-психіатрическаго значенія этого вопроса, при всемъ его живѣйшемъ интересѣ, такъ-какъ спеціальнѣйшій нашъ случай мало подходитъ подъ эту рубрику, и потому упомянемъ только вкратцѣ, предоставивъ въ будущемъ поговорить болѣе подробно, такъ-какъ

въ нашей практикѣ былъ одинъ судебно-психіатрическій случай, подходящий къ этой категоріи.

Вліяніе припадковъ эпилептическихъ судорогъ (*grand-mal*) и эпилептического головокруженія и безпамятства (*petit-mal*) на характеръ и интеллектъ человѣка не подлежитъ никакому сомнѣнію, — только вліяніе это находится въ зависимости отъ возраста и индивидуальности.

Если припадки падучей болѣзни являются съ дѣтства, то въ большинствѣ случаевъ индивидъ лишается возможности приобрести какія-бы то ни было познанія и потому остается безъ всякихъ знаній. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ слабоуміе является какъ-бы отъ рожденія, и такіе субъекты причисляются къ категоріи идіотовъ. — Эпилепсія можетъ появляться на 10—15 году жизни, когда у субъекта уже есть кой-какой запасъ знаній о самомъ себѣ и окружающей обстановкѣ; вліяніе эпилепсії на такихъ индивидовъ будетъ проявляться въ двоякомъ направленіи: во 1-хъ, дальнѣйшее развитіе умственныхъ способностей прекращается, наступаетъ состояніе приостановленнаго развитія (*imbecillitas*); и, во 2-хъ, тѣ свѣдѣнія, которыя уже приобретены были до сихъ поръ, мало-по-малу исчезаютъ и субъектъ превращается въ состояніе полного слабоумія.

Въ этомъ періодѣ развитіе слабоумія идетъ гораздо быстрее и полнѣе, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ, потому что въ данный моментъ приобретенныя знанія и свѣдѣнія не настолько прочны, чтобы обнаружить сопротивленіе болѣзнетворному элементу. Разумѣется, не во всѣхъ случаяхъ появленія эпилепсії въ дѣтскомъ возрастѣ бывають одинаковые результаты, а находится въ зависимости отъ индивидуальности субъекта, наследственности, семейнаго расположенія, интенсивности припадковъ и многихъ другихъ условій.

Что касается измѣненій умственныхъ способностей и характера *взрослыхъ людей* подъ вліяніемъ эпилепсії, то они бы-

ваютъ очень разнообразны. Одно можно сказать, что измѣненія эти происходятъ исподоволь, потихоньку, совершенно незамѣтно.

При тщательномъ вниманіи можно наблюдать эти уклоненія въ троякомъ направленіи.

1. Эпилептики мало-по-малу становятся злы, раздражительны, вспыльчивы, придирчивы, сварливы, тогда какъ до сихъ поръ они были тихаго и кроткаго нрава. Изъ людей трудолюбивыхъ они дѣлаются небрежными, лѣнивыми, неподвижными, не хотятъ работать для насущнаго хлѣба и вслѣдствіе этого дѣлаются вполне безнравственными: воровство, ложь, обманъ, притворство, нахальство и дерзость — вотъ атрибуты ихъ душевной дѣятельности. Въ этомъ переходномъ періодѣ къ слабоумію нерѣдко у такихъ субъектовъ можно наблюдать очень рельефную форму благопріобрѣтеннаго нравственнаго помѣшательства. Рядомъ съ этимъ отупѣніемъ чувства дѣйствительности къ самому себѣ и къ окружающимъ, у эпилептиковъ начинается слабѣть память: способность воспроизведенія прежде бывшихъ представлений и способность усвоенія впечатлѣній даннаго времени; является дефектъ въ области сужденій, неправильность выводовъ и, естественно, нелѣпость поступковъ.

2. Другіе эпилептики, напротивъ, подъ гнетомъ этого бича божія — эпилепсіи, становятся тихи, кротки, послушны, исполнительны и совершенно индифферентны ко всему окружающему. У этихъ людей прежде всего теряется инициатива дѣйствія; они бывають способны работать только лишь по указанію другого. Мало-по-малу они теряють и сообразительность и точно выполняютъ только то, въ чемъ не требуется особенной сообразительности и умственной работы. Эти индивиды чуждаются общества, они имъ стѣняются, дѣлаются робкими и боязливыми и мало-по-малу, совершенно незамѣтно, переходятъ въ тупоуміе и автоматизмъ.

3. Еще у иныхъ развивается особенная религіозность. Сначала они ищутъ въ религіи своего избавленія и спасенія отъ болѣзни, за-тѣмъ — утѣшеніе въ безнадежности и наконецъ религія становится насущною потребностію. У нѣкоторыхъ эпилептиковъ религіозное увлеченіе можетъ приводить ихъ въ экстазъ и грандіознѣйшія галлюцинаціи¹.

По этимъ тремъ путямъ эпилепсія низводитъ людей здоровыхъ, умныхъ, дѣятельныхъ и нравственныхъ въ состояніе слабоумія.

III. Третье отношеніе эпилептического невроза къ психозамъ, это — *комбинированная эпилепсія*. Явленія этого рода психоза до такой степени характерны и специфичны, что съ правомъ могутъ составлять отдѣльный видъ психоза — *психическую эпилепсію*.

Комбинація психического приступа съ неврозомъ можетъ быть очень разнообразна: приступъ эпилептического помѣшательства можетъ быть предъ припадкомъ эпилептическихъ судорогъ; приступъ эпилептического помѣшательства можетъ быть послѣ припадка эпилептическихъ судорогъ; припадокъ эпилептическихъ судорогъ можетъ являться въ срединѣ приступа эпилептического помѣшательства, составляя какъ-бы интервалъ его²; наконецъ приступъ эпилептического помѣшательства можетъ являться одновременно въ комбинаціи съ припадкомъ эпилептическихъ судорогъ³.

Почти всегда приступъ эпилептического помѣшательства слѣдуетъ рядомъ, безъ промежутковъ, съ припадкомъ эпилептическихъ судорогъ. Но бываютъ случаи, когда припадки эпилептическихъ судорогъ удалены отъ приступа эпилептического помѣ-

¹ Маудсли, Ответственность при душевныхъ болѣзняхъ, стр. 304.

² Ковалевскій, Судебно-психіатрическая казуистика. Моск. мед. газет. 1878 года.

³ Ковалевскій, Случай эпилептического буйства, прекращенный приложеніемъ мѣстно-анестезирующихъ средствъ. Моск. мед. газет. 1875 г.

шательства довольно большим промежуткомъ времени; такъ, наприм., Фальре упоминаетъ, что въ одномъ случаѣ болѣзни припадки судорогъ не появлялись 21 годъ и за-тѣмъ наступилъ приступъ помѣшательства, — а Маудсли указываетъ на подобный же случай чрезъ 40 лѣтъ¹.

Припадки психической эпилепсiи дѣлятся на двѣ категорiи, соотвѣтственно припадкамъ соматической эпилепсiи: *grand-mal* и *petit-mal*.

Мы позволимъ себѣ охарактеризовать симптомы этихъ болѣзней словами тѣхъ авторовъ, которые наиболѣе трудились въ этомъ отношенiи.

Petit-mal, по Маудсли², «состоитъ въ большой спутанности мыслей, сопровождаемой перѣдко внезапными порывами бѣшенства. Страдающіе этою болѣзнію становятся печальными и угрюмыми безъ всякихъ внѣшнихъ причинъ; страшно тоскуютъ и относятся съ большимъ раздраженіемъ къ окружающимъ; жалуются на потерю памяти и тяжесть головы; не могутъ собрать и остановить своихъ мыслей; сознаютъ съ глубокимъ горемъ, что они не прежніе, что они побуждаются къ страшнымъ или насильственнымъ поступкамъ какою-то силой, которой они не въ состоянiи сопротивляться. Подъ вліяніемъ неопредѣленной тоски или боязни они покидаютъ свои дѣла и бродятъ по улицамъ или окрестностямъ³; всѣ тяжелыя мысли, тревожившія ихъ въ разное время жизни, воскресаютъ въ памяти и преслѣдуютъ ихъ; все существо ихъ поглощается какимъ-то смутнымъ чувствомъ безпокойства и ужаса. Въ этомъ мрачномъ настроенiи они на-

¹ Маудсли, I. с. стр. 293.

² I. с. стр. 300.

³ Не могу не упомянуть при этомъ выдающагося случая, описаннаго докторомъ Rotte въ *Psych. Centralblatt*. 1877 г. и за-тѣмъ переданнаго мною въ Моск. мед. газ. за 1878 г., гдѣ никуднать предъ преступленіемъ очень долго бродилъ внѣ дома подъ вліяніемъ мучившей его тоски.

чинають обвинять друзей во враждебных чувствах и воображают себя жертвами преслѣдованій, существующихъ только въ ихъ больной фантазіи; не рѣдко совершаютъ они въ это время преступленія, кражи, поджоги, самоубійства или убійства; одни находятъ облегченіе въ уничтоженіи неодушевленныхъ предметовъ, другіе лашаютъ себя жизни, чтобы избавиться отъ этого невыносимаго состоянія; нѣкоторые въ сильной ярости нападаютъ на людей, встрѣтившихся имъ случайно въ то время, когда тоска и тревога сдѣлала ихъ порывы неудержимыми. Когда совершенно насильственное дѣйствіе, является тогда внезапное облегченіе; неопредѣленное безпокойство и спуганность мыслей исчезаютъ, больные приходятъ въ себя, иногда же они продолжаютъ оставаться въ возбужденномъ состояніи, не сознавая вовсе или сознавая смутно значеніе своего поступка. Когда они приходятъ въ себя, память ихъ невѣрна и отуманена, какъ у человека, просыпающагося послѣ тяжелаго кошмара; они отрывочно припоминаютъ факты, которые другіе стараются пробудить въ ихъ памяти, или же совершенно отрицаютъ ихъ».

То-же самое говорить и Фальре, только онъ добавляетъ, еще одно важное обстоятельство: «Когда пациенты приходятъ въ себя, или непосредственно послѣ насильственнаго поступка, который составляетъ кризисъ ихъ припадка, или спустя нѣкоторое время, они иногда бываютъ въ состояніи припомнить многія подробности поступковъ, послѣдовавшихъ во время припадка; но припоминанія ихъ бывали всегда неясны. *Неясность эту ошибочно принимали за притворство; но она совершенно истинна и характеризуетъ это умственное состояніе.* Эпилептики находятся слѣдовательно въ состояніи, какое наступаетъ за тягостнымъ сновидѣніемъ. Главныя обстоятельства припадка ускользаютъ отъ нихъ, почему они начинаютъ съ того, что отвергаютъ тѣ поступки, въ которыхъ обвиняютъ ихъ; но

постепенно они припоминают нѣкоторыя подробности, которыя сперва, казалось, забыли»¹.

Но бываетъ и на-оборотъ, что тотъ - часъ послѣ припадковъ больные еще кое-что помнятъ и въ состояніи передать обстоятельства дѣла, но за-тѣмъ забываютъ не только объ обстоятельствахъ дѣла, но даже и о томъ, что говорили они о себѣ. Это прекрасно доказывается наблюденіями Samt'a².

Grand-mal intellectuel Фальре описываетъ такъ: «эпилептическая манія отличается тѣмъ, что она наступаетъ быстрѣе, чѣмъ остальные формы маніи. Иногда ей не предшествуютъ никакіе продромы; въ другихъ же случаяхъ, напротивъ, являются нѣкоторые предварительные симптомы, какъ — головная боль, рвота, инъекція и особый блескъ глазъ, измѣненіе голоса, легкія конвульсіи лица или членовъ; иногда психическіе симптомы состоятъ въ угрюмости, раздражительности и скоромъ возбужденіи. Но эти продромы являются только за нѣсколько часовъ и то — въ самыхъ сильныхъ приступахъ маніи. Другой не менѣе важный признакъ эпилептической маніи — абсолютное сходство всѣхъ припадковъ у одного и того-же паціента не только въ цѣломъ, но и въ подробностяхъ»⁴.

Во время этихъ приступовъ эпилептики обнаруживаютъ большую часть тѣхъ психическихъ явленій, какія характеризуютъ маниакальное состояніе вообще. Ходъ представленій очень усиленъ. Они говорятъ безъ-умолку, у нихъ проходятъ безъ остановки самыя разнообразныя ряды идей, и ихъ поступки также безпорядочны, какъ ихъ рѣчи безсвязны. Особенный видъ ихъ волненія, замѣченный всѣми писателями, состоитъ въ чрезвычайной стремительности ихъ насильственныхъ поступковъ, побуж-

¹ Falret. Annal. méd. psychol. 1873.

² Samt. Arch. f. Psychiatrie. Bd. V. Hft. 2. S. 402.

³ Falret. l. c.

⁴ То-же утверждаетъ и Erlenmeyer.

дающей ихъ дѣйствовать съ бѣшенствомъ противъ всего окружающаго: кусать, разрывать, кричать безъ-устали и биться головою о стѣны. Это состояніе возбужденія, переходящее въ бѣшенство, доходить тогда до такой степени, что такіе пациенты составляютъ самый опасный классъ помѣшанныхъ; ихъ вездѣ боятся въ больницахъ и ихъ можно удержать только самыми обуздывающими мѣрами.

Столь-же характерный симптомъ для этого вида болѣзни — мрачный характеръ преобладающихъ у нихъ идей и частая галлюцинаціи подобнаго же ужасающаго свойства, — галлюцинація слуха, обонянія и особенно зрѣнія¹. У нихъ почти постоянныя видѣнія: они видятъ страшные предметы, призраки вооруженныхъ людей, бросающихся на нихъ съ цѣлю убійства. Они видятъ постоянно блестящіе предметы, пламя, огненные круги; достойно замѣчанія то обстоятельство, что видъ крови и красныхъ цвѣтовъ часто преобладаетъ въ ихъ видѣніяхъ. Не смотря на беспорядочность и стремительность дѣйствій эпилептиковъ, языкъ ихъ обыкновенно менѣе несвязенъ, чѣмъ рѣчи многихъ умопомѣшанныхъ². Меньшая степень безсвязности, бреда и большая ясность идей во время припадковъ тѣмъ болѣе замѣчательны, что они составляютъ страшный контрастъ съ полнымъ почти забвеніемъ о припадкѣ по прошествіи его. Недостатокъ памяти составляетъ почти постоянный признакъ припадковъ эпилептической маніи.

Припадки эти продолжаются нѣсколько дней, слѣдовательно меньшій промежутокъ времени, чѣмъ при другихъ формахъ маніи. Наконецъ эпилептическая манія оканчивается такъ-же внезапно, какъ и наступаетъ. Черезъ нѣсколько часовъ, иногда еще и

¹ Смотри то же: Ковалевскій, Къ ученію объ эпилепсін. Моск. мед. газета 1875 г.

² Съ этимъ мнѣніемъ не соглашается профес. Фрезе. Я присоединяюсь къ мнѣнію проф. Фрезе.

черезъ меньшій промежутокъ времени, пациенты возвращаются въ нормальное состояніе. Рѣдко-когда они остаются, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ теченіи короткаго времени въ легкомъ отупѣніи или въ физическомъ и моральномъ оцѣпенѣніи прежде, чѣмъ придуть совершенно въ разсудокъ. Они приходятъ въ себя послѣ припадковъ подобно человѣку, пробуждающемуся послѣ тяжелаго сна или кошмара, — у нихъ не остается почти воспоминанія о томъ, что съ ними происходило во время припадка».

Не смотря на такую прекрасную, можно сказать, классическую характеристику эпилептического помѣшательства со стороны Falrèt, мы однако должны сказать, что не всѣ случаи эпилептического помѣшательства могутъ входить въ этотъ шаблонъ.

Мы должны упомянуть, что нами указаны не всѣ комбинаціи психической эпилепсіи съ эпилепсіею соматическою.

Картина психической эпилепсіи настолько рельефна, настолько рѣзко отличается отъ другихъ формъ помѣшательства, что по однимъ ея симптомамъ, безъ присутствія припадковъ соматической эпилепсіи въ томъ или другомъ видѣ ея, можно было бы сказать, что въ данномъ случаѣ мы имѣли приступъ психической эпилепсіи или нѣтъ.

Это чрезвычайно важно, во 1-хъ, потому, что бываютъ случаи, когда свидѣтелей нѣтъ въ моментъ припадка эпилептическихъ судорогъ, и они являются только лишь въ моментъ психической эпилепсіи, не рѣдко въ моментъ страшнаго преступленія *подъ* вліяніемъ приступа психической эпилепсіи; во 2-хъ, потому, что свидѣтелей можетъ вовсе не быть и о болѣзни приходится судить по характеру преступленія; въ 3-хъ, потому, что припадки соматической эпилепсіи могутъ быть ночью, или отдалены отъ приступа психической эпилепсіи значительнымъ періодомъ времени и, слѣдовательно, затеряться для наблюдателя, наконецъ, въ 4-хъ, *припадковъ соматической эпилепсіи можетъ не быть и вовсе, между-тѣмъ приступъ помѣша-*

тельства по всемъ деталямъ своимъ можетъ совершенно изображать психическую эпилепсію. Въ этомъ случаѣ приступъ психической эпилепсіи или эпилептического помѣшательства замѣняетъ собою припадокъ эпилептическихъ судорогъ и является какъ-бы замѣнъ его. Хотя эпилептическихъ судорогъ, или эпилептического головокруженія и не бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, тѣмъ не менѣе детали приступа помѣшательства на столько повторяютъ собою всѣ явленія психической эпилепсіи, что съ полнымъ правомъ могутъ быть отнесены къ этой категоріи. Samt¹ по этому поводу говоритъ слѣдующее: «Всякое помѣшательство, не имѣющее специфическихъ свойствъ эпилептического помѣшательства, хотя-бы данный субъектъ имѣлъ эпилептическій приступъ, также ложно считать эпилептическимъ помѣшательствомъ, какъ ложно не называть эпилептическимъ помѣшательствомъ тѣ приступы его, которые имѣютъ специфическія свойства эпилептического помѣшательства, хотя-бы данный индивидъ и не обнаруживалъ эпилептическихъ припадковъ. Всякій индивидъ имѣетъ право на названіе эпилептика, если онъ въ теченіе жизни всегда обнаруживалъ только классическіе приступы судорогъ и безсознательнаго состоянія, безъ того, чтобы быть когда-либо помѣшаннымъ; какъ и тотъ — настоящій эпилептикъ, у кого обнаружилось эпилептическое помѣшательство безъ всякихъ приступовъ судорогъ или безсознательнаго состоянія въ теченіи предыдущей жизни».

Samt полагаетъ, значить, что судороги могутъ являться безъ помѣшательства, и извѣстное, специфическое помѣшательство можетъ являться безъ судорогъ, при-чемъ и то и другое принадлежатъ къ категоріи эпилептическихъ страданій. Это — двѣ величины, которыя могутъ быть поставлены одна вмѣсто другой, это — два эквивалента другъ другу. Samt такъ и называетъ

¹ Samt, l. c.

эпилептическое помѣшательство *психо-эпилептическимъ эквивалентомъ*, какъ-бы это было два однородныхъ элемента.

Samt дѣлитъ психо-эпилептическій эквивалентъ, или психическую эпилепсію, на двѣ категоріи: острый и протрагирующий или хроническій, затяжной.

Что касается остраго психо-эпилептического эквивалента, то, по своей характеристикѣ, онъ ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ формъ помѣшательства, которыя изображены Falret и др. въ видѣ *épilepsie Grand-mal* и *Petit-mal intellectuel*.

Нѣсколько иной видъ имѣетъ протрагирующий психоэпилептическій эквивалентъ Samt'a. Главная характеристика этого вида психической эпилепсіи это—хроническое теченіе ея; такъ, напр., въ 34-мъ случаѣ Samt наблюдалъ теченіе подобной болѣзни около шести мѣсяцевъ.

Въ общей картинѣ эпилептического помѣшательства остается добавить еще то обстоятельство, что почти во всѣхъ случаяхъ заболѣванія эпилепсією можно отыскать какую-либо психопатическую, или невропатическую наслѣдственность. У родителей и родственниковъ эпилептиковъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ можно бываетъ констатировать или психозъ, или эпилепсію, или другой неврозъ или пьянство. Особенно замѣчательно часто совпаденіе появленія эпилепсіи и эпилептического помѣшательства съ пьянствомъ родителей. Это обстоятельство было извѣстно и прежде, — о немъ говорятъ Lunier, Bergeron, Magnan, Morel и др. Въ послѣднее время этому-же вопросу посвящена статья Martin'a¹, изъ которой явствуетъ, что эпилепсія у дѣтей отъ пьяницъ-родителей—самое обыкновенное явленіе. Въ теченіе моихъ занятій въ психіатрическомъ отдѣленіи харьковской земской больницы я слѣдилъ съ особеннымъ вниманіемъ за этиологією эпилепсіи и эпилептического помѣшательства, и на основаніи до-

¹ Martin, De l'alcoholisme des parentes. *Annal. médico-psychol.* 1877. № 1.

вольно обширнаго матеріала приходится сказать, что почти у 60% эпилептиковъ и страдающихъ эпилептическимъ помѣшательствомъ родители были пьяницы.

Нѣсколько меньшею, но тоже частою причиною эпилепсіи и эпилептического помѣшательства служить также пьянство самихъ эпилептиковъ.

Теперь мы позволимъ себѣ остановиться на нашемъ случаѣ и рассмотримъ его въ примѣненіи къ вышеизложенному.

К.—уже пожилой человѣкъ. Отецъ его пилъ водку, самъ К. тоже пилъ водку. Другихъ какихъ-либо психо- или невропатическихъ antecedentовъ не замѣчается. Въ 50-хъ годахъ, во время крымской кампаніи К. заболѣваетъ какимъ-то острымъ психозомъ. Внезапно этотъ психозъ пришелъ и внезапно же прошелъ. Чтѣ съ К. было въ то время—онъ рѣшительно не помнитъ. Та-же исторія въ Воронежѣ; та-же исторія и въ Москвѣ. Въ Москвѣ К. свидѣтельствуютъ въ военно-окружномъ судѣ и признаютъ страдающимъ острымъ помѣшательствомъ. Жена К. показываетъ, что К. уже въ теченіи почти десяти лѣтъ каждую весну нѣкоторое время сумасшествуетъ, убѣгая въ это время изъ дому и оставляя на-произволъ всѣхъ и все. Antecedentъ для эпилептического помѣшательства не дуренъ. Въ какомъ состояніи К. въ настоящее время? Память его ослаблена, самыя важныя обстоятельства въ жизни онъ позабылъ. Замѣчается также какой-то дефектъ въ области представленій; самыя представленія часто неясны, неточны и сбивчивы. Не мало также пострадалъ и нравственный элементъ. К. является крайне равнодушнымъ какъ сынъ, мужъ, семьянинъ и гражданинъ: наѣсться, напиться, выпить и ничего недѣлать,—и довольно. Ко всему окружающему онъ совершенно индифферентенъ; нравственно онъ отупѣлъ и опошлѣлъ. Раздражается онъ только тогда, когда терпѣть какія-либо личныя лишенія. Приведу одинъ случай изъ

госпитальной жизни К. Онъ въ нашемъ отдѣленіи пользовался всѣми удобствами: относительною свободою, пріятнымъ для него ничегонедѣланіемъ, порядочною пищею и пр. Вмѣстѣ съ нимъ былъ одинъ чиновникъ съ *delirium tremens potatorum*. По выздоровленіи, чиновникъ посятилъ К. и тайкомъ пронесъ ему бутылку водки. Въ теченіи не болѣе трехъ минутъ К. опустошилъ бутылку. Лишенный за то лучшей порціи, К. раскричался на меня и общалъ жаловаться прокурору и начальнику губерніи за насиліе, признавая себя совершенно правымъ.

Вообще умственное и нравственное состояніе К., внѣ приступа помѣшательства, стоитъ на рубежѣ слабоумія и легальнаго полумѣшья.

Спрашивается, что же это за болѣзнь такая, которая доводитъ К. до состоянія слабоумія?

Болѣзнь эта внезапно приходитъ и внезапно проходитъ. О томъ, что бываетъ съ нимъ въ это время и существовала ли самая болѣзнь и это время, — К. рѣшительно ничего не помнитъ. Во время болѣзни К. стремится уйти или уѣхать изъ дому. Въ это время онъ до крайности раздражителенъ, дерзокъ, нахаленъ и буенъ. Припомнимъ, для доказательства, обстоятельства дѣла на станціяхъ Молоди и Ковеги. Буйство его можетъ достигать крайнихъ предѣловъ: зонтикъ, кулакъ, камень, все это — орудіе его буйства. Дайте ему ножъ или револьверъ, и онъ нисколько не затруднился бы употребить ихъ въ дѣло.

Скажите, онъ имѣетъ какой-нибудь планъ дѣйствія? Ничуть не бывало. Онъ рѣшительно не даетъ себѣ никакого отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; онъ дѣйствуетъ, какъ совершенно правильно выразился проф. Фрезе, *рефлекторно*, или Маудсли — *импульсивно*. Гдѣ онъ и что съ нимъ, — онъ не знаетъ.

К. обнаруживаетъ ложь и при-томъ ложь самую грубую, самую безхитростную и необдуманную. Въ Валкахъ онъ выдаетъ себя за агента шефа жандармовъ и называется сначала Чижев-

скимъ, за-тѣмъ чрезъ нѣсколько минутъ Петерсономъ, а еще спустя нѣсколько часовъ—Козачковымъ. Какая у него была цѣль при подобномъ дикомъ и совершенно дѣтскомъ фарсѣ? Была ли у него хоть капля сообразительности? Едва-ли онъ думалъ о томъ, что онъ говорилъ, а еще менѣе о томъ, что онъ дѣлалъ.

Въ Ковегахъ К. жалуется, что вмѣстѣ съ нимъ ѣхали подозрительные люди; а самъ безъ стѣсненія здѣсь-же крадетъ сюртукъ, рубаху и калоши.

К. считаетъ себя какъ-бы въ-правѣ наносить оскорбленія словами и дѣйствіемъ лицамъ, служащимъ при исполненіи послѣдними своихъ обязанностей. Но еще лучше то, что онъ наноситъ оскорбленіе такому-же лицу, когда послѣднее не только не трогало его, но даже не знало и не видѣло его. К.—въ тюремномъ замкѣ. Вблизи воинскій начальникъ учитъ солдатъ, нисколько не подозрѣвая о существованіи К. Вдругъ: «рыжая собака!», «я тебѣ кишки выпущу!» и пр. и пр. За что и къ чему?

К. дѣлаетъ покушеніе на поджогъ въ полиціи и обнаруживаетъ намѣреніе поджечь больницу; но дѣлаетъ все это такъ неумѣло и такъ безхитростно, что сразу поражаетъ отсутствіемъ всякой сообразительности.

Изъ всѣхъ его проступковъ и преступленій въ одномъ только видится какъ-бы строго обдуманнѣйшій планъ, это—въ стремленіи сорвать деньги съ кого-то за пропавшія на желѣзной дорогѣ вещи. Сначала онъ составляетъ списокъ своимъ вещамъ самъ и заявляетъ объ этомъ судебному слѣдователю. За-тѣмъ требуетъ копію со списка вещей, которыя оказались по осмотру. За-тѣмъ предъявляетъ искъ о пропажѣ многихъ вещей и денегъ. Въ это же время тайкомъ посылаетъ своей женѣ подложный списокъ вещей и научаеъ ее, какъ нужно лгать судебному слѣдователю. Но все это дѣлается до такой степени нехитро и прозрачно, что судебная власть не сочла даже нужнымъ предъявлять противъ него обвиненіе по этому пункту.

Сравнивая картину настоящей болѣзни его съ тѣмъ, что указываетъ отчасти жена К. о прежнихъ его припадкахъ, оказывается, что настоящая болѣзнь его служить почти повтореніемъ предыдущихъ приступовъ, съ тою только разницею, что предыдущіе приступы были нѣсколько короче, отъ одного до двухъ мѣсяцевъ, а настоящій—около трехъ мѣсяцевъ.

Еще одно обстоятельство обращаетъ на себя вниманіе: болѣзнь К., являясь почти ежегодно, каждый разъ обнаруживалась именно весною, такъ-что съ положительною можно сказать, что болѣзненные симптомы К. находятся въ прямой связи съ временемъ года.

Обращаясь къ двумъ сообщеннымъ случаямъ, моему и случаю д-ра Андрузскаго, я съ положительною утверждаю, что оба они по своимъ проявленіямъ относятся къ категоріи психической эпилепсіи, при-чемъ случай д-ра Андрузскаго представляетъ форму *острой психической эпилепсіи*, а К. представляетъ случай *протрагировавшаго психо-эпилептического эквивалента* или *хронической психической эпилепсіи*. Разница между этими двумя случаями состоитъ еще въ томъ, что въ промежуткахъ между припадками инкульпаты д-ра Андрузскаго обнаруживалъ еще относительно нормальное состояніе умственныхъ способностей, тогда-какъ К. и въ свободное отъ приступовъ болѣзни время представлялъ ослабленіе умственныхъ способностей, служащее переходомъ къ слабоумію.

Въ судебно-психіатрическомъ отношеніи оба эти случая подходятъ къ одной категоріи: оба инкульпаты въ моментъ совершенія преступленія находились въ болѣзненномъ состояніи, дошедшемъ до умоизступленія и безпамятства, — въ моментъ же дачи заключенія находились въ нормальномъ состояніи, и потому оба подводятся подъ 96 ст. улож. о наказаніяхъ.